

I.

Общая исторія Богослужебнаго пѣнія въ Россіи.

Исторія Богослужебнаго пѣнія въ Русской церкви основывается на сказаніи лѣтописеи, а главнымъ образомъ на изученіи нотныхъ Богослужебныхъ книгъ.

Лѣтописныя сказанія о Богослужебномъ пѣніи Русской церкви служатъ единственными свидѣтелями пѣнія, совершившагося съ начала Русской церкви до XI вѣка. Изъ нихъ можно заключать о происхожденіи и распространеніи Богослужебнаго пѣнія въ Россіи.

Первымъ Русскимъ городомъ, которыи огласилъ Богослужебнымъ пѣніемъ, былъ Кіевъ, матерь городовъ Русскихъ. Въ этотъ именно городъ, равноапостольный князь Владимиръ, по возвращеніи изъ Корсуня, привелъ съ собою *перваго митрополита Мигаила и иныхъ епископовъ, іераревъ и пѣвицовъ* (¹). Пѣвцы эти, по другимъ лѣтописямъ, называются иначе *причетниками* или *демественниками*. Они, по происхожденію своему, были Славяне и присланы къ св. Владиміру Константинопольскимъ царемъ и патріархомъ. Число пѣвицовъ было, какъ надобно полагать, очень значительно. При супругѣ св. Владимира Алиѣ былъ весь клиръ Греческии, прибывшій вмѣстѣ съ нею изъ Греціи и называвшися тогда *царицыными* (²). Изъ Кіева, какъ изъ центра, церковное пѣніе распространилось вмѣстѣ съ вѣрою во всѣ предѣлы Россіи. Первый Русскій митрополитъ, устроивъ Кіевскія церкви, поставивъ тамъ двухъ епископовъ съ довольно-нымъ числомъ священно-церковно-служителей, немедленно отправился съ четырьмя епископами въ Ростовскую землю, гдѣ

(¹) Густирс тѣт. II стр. 2 б.

(²) И С Р Л. I, 50.

„кости людей безчисленное множество, и многія церкви воз-
движе, и пресвитеры и діаконы постави, крылосъ устроивъ, и
уставы благочестія предложи“. Александръ Мезенецъ, пѣвецъ
и дидаскалъ (учитель) XVII вѣка, замѣтилъ также въ своеї
грамматикѣ, что „первые церковные пѣснорачитeli были въ
столичномъ Россійскія державы Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ;
по нѣколикихъ же лѣтехъ отъ Кіева сіе пѣніе нѣкіими любо-
рачитeli пренесеся до великаго Новаграда; отъ великаго же
Новаграда распространея и умножися толикимъ долговремен-
ствомъ сего пѣнія ученіе во вся грады и монастыри велико-
рussiйскія эпархіи и во всѣ предѣлы ихъ“.

Относительно самого пѣнія первенствующей Русской церкви
нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго заключенія. Ни Кон-
стантинополь, откуда присланы первые пѣвцы Русской церк-
ви, ни личность самихъ пѣвцовъ, Славянъ по происхожденію,
не могутъ сообщить ничего о свойствахъ и характерѣ первого
церковно-руссаго пѣнія. Несомнѣнно только то, что православ-
ная Русская церковь не изобрѣла сама Богослужебнаго пѣнія,
но получила его вполнѣ готовымъ по своему техническому
устройству.

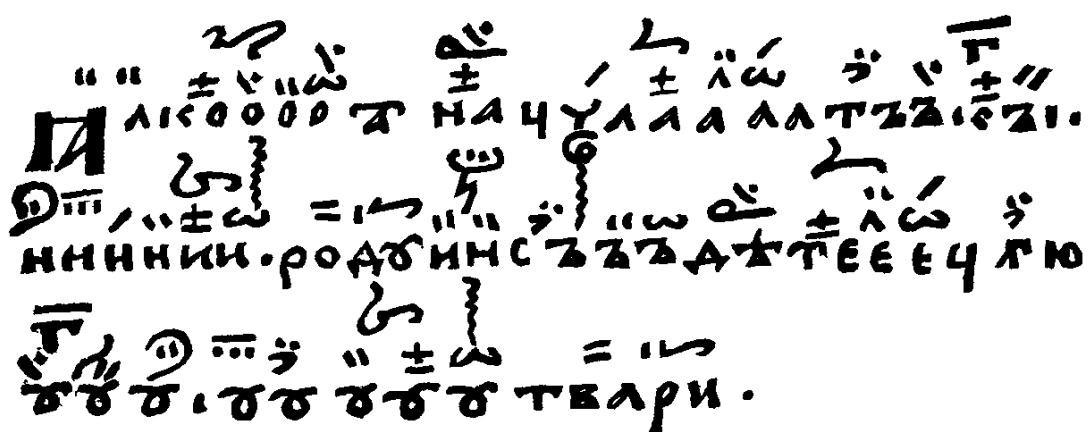
Полная исторія Богослужебнаго пѣнія Русской церкви на-
чинается съ XI вѣка; потому что къ этому времени относятся
первыя нотныя Богослужебныя книги, или лучше *рукописи*.
Нотныя рукописи Русской церкви различны, по формѣ сла-
вянскаго текста свящ. пѣснопѣній. Посему вся исторія Бо-
гослужебнаго пѣнія Русской церкви слагается главнымъ обра-
зомъ изъ трехъ эпохъ: изъ эпохи *стараго истинорѣчія*, —
эпохи *раздѣльнорѣчія* или хомоніи, и наконецъ изъ эпохи *но-
ваго истинорѣчія*.

Эпоха стараго истинорѣчія обнимаетъ собою четыре вѣка,
т. е. простирается съ XI до XIV вѣка. Нотныя книги, при-
надлежащія къ этой эпохѣ, писаны на пергаменѣ одинаковымъ
чернымъ цвѣтомъ какъ въ текстѣ, такъ и въ музыкальныхъ
знакахъ. Сообразно съ характеромъ священныхъ пѣснопѣній,
всѣ нотныя рукописи называются то *Стихираями*, то *Ирмоло-
гами*, *Кондакариями*, *Миѳеями*, *Тріодиями*, *Праздниками*, *Пара-
клитиками*.

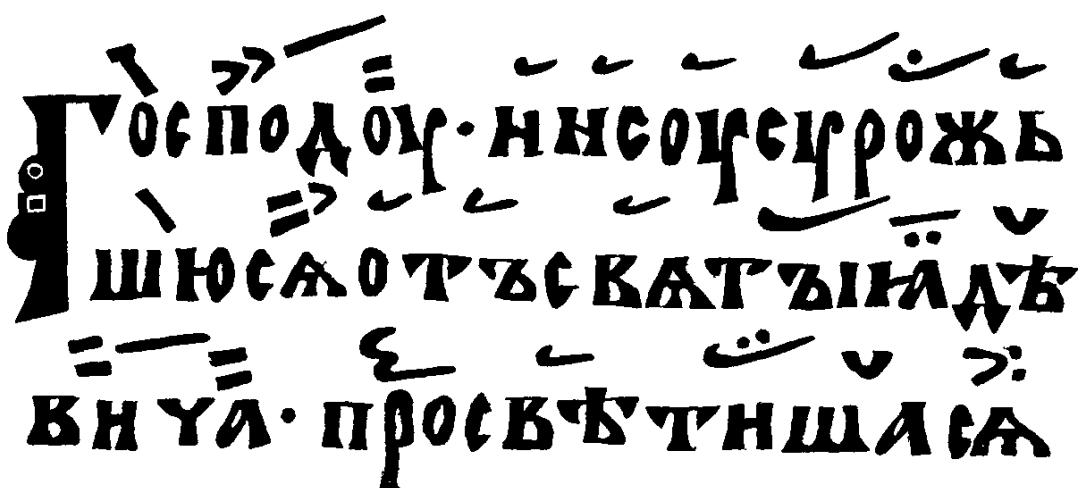
Музыкальные знаки въ первыхъ нотныхъ книгахъ Русской
церкви были *безлинейные*, т. е. такие, которые поставлялись

непосредственно надъ слогами и словами текста священныхъ пѣснопѣній, въ видѣ надстрочныхъ знаковъ или удареній. Эти безлинейныя ноты носили название *зnamenъ*; въ послѣдствіи стали называться *крюками* или *крюковыми знаками*. Знамена первыхъ нотныхъ книгъ представляютъ въ себѣ два различія: *зnamena столповыя и зnamena кондакарные*.

КОНДАКАРНОЕ ЗНАМЯ XII ВѢКА.



СТОЛПОВОЕ ЗНАМЯ XII ВѢКА.



Большею частію, каждымъ изъ этихъ знаменъ писаны отдѣльные книги: знаменемъ кондакарнымъ—только одни кондакари; знаменемъ столповымъ — всѣ остальные нотныя современныя книги. Но не рѣдко встречаются и такія книги, гдѣ одно пѣснопѣніе писано нотами кондакарными, а другое—столповыми;

нерѣдко также можно видѣть, что хотя вся книга писана нотами столповыми, но нѣсколько словъ въ пѣснопѣніи имѣютъ надъ собою ноты кондакарныя.

Первые нотные книги Русской церкви содержали въ себѣ пѣніе мелодическое, т. е. музыкальные знаки только для одного, а не для многихъ голосовъ. Знакомство съ церковною мелодіею пріобрѣталось главнымъ образомъ *по наслышку*, путемъ довольно легкимъ и общедоступнымъ. Не менѣе того пастыри Греческие заботились объ устройствѣ школъ въ Россіи. Пѣвческія школы въ Россіи были или *частныя*, или *общественные*.

Частныя пѣвческія школы устроились доместиками или пѣвцами греческими и русскими. Греческие пѣвцы, приходившіе въ Россію при Ярославѣ 1-мъ и Мстиславѣ (1052 и 1130 г.), старались сообщать свои свѣдѣнія въ пѣніи Русскому народу. Грекъ Мануилъ, пѣвецъ гораздый, обучалъ *людей пѣнію*. Русские доместики также распространяли пѣвческія познанія. Лука демественникъ воспиталъ Владимірскихъ клирошанъ, почему они и называются *Луциною чадью*.

Въ общественныхъ школахъ также обучали, между прочимъ, церковному пѣнію. Дочь в. к. Кіевскаго Всеvoloda Ярославича, избравъ для своего пребыванія Кіевскій Андреевскій (Яничинъ) монастырь, завела въ немъ училище, гдѣ дѣвицы обучались между прочимъ и церковному пѣнію. Это училище было, безъ сомнѣнія, не первое и не единственное, иначе лѣтописи не замедлили бы упомянуть объ этомъ.

Неизвѣстно, по какимъ именно руководствамъ совершилось обученіе церковному пѣнію въ первыхъ Русскихъ пѣвческихъ школахъ. Археологія доселѣ еще не открыла ниодного учебнаго руководства, относящагося къ этой эпохѣ. Впрочемъ школьнное образованіе въ церковномъ пѣніи, какъ показываютъ послѣдствія, достигало вполнѣ своей цѣли.

Первымъ плодомъ научнаго и практическаго образованія въ пѣніи было обиліе лицъ, основательно знавшихъ церковное пѣніе. Лѣтописи постоянно упоминаютъ то о цѣлыхъ клиросахъ, т. е. немалочисленномъ собраніи пѣвцовъ, то о самыхъ пѣвцахъ или доместикахъ. Изъ современныхъ клиросовъ извѣстны: клиросъ Кіевскій, Новгородскій, Владимірскій, Московскій, Псковскій, Боголюбова монастыря. Нѣкоторые клиросы пользовались особеною славою: Ростовскій клиросъ

· прямо называется въ лѣтописяхъ „*пресвѣтлымъ*.“ Изъ современныхъ пѣвцовъ или доместиковъ известны: *Степанъ*, доместикъ Киево-Печерской Лавры, ученикъ преподобнаго Феодосія Печерскаго,—*Кирикъ*, діаконъ и доместикъ Новгородскаго Антоніева монастыря,—*Лука*, доместикъ Владімірскій, и неизвестный демественникъ св. Софіи въ Новгородѣ (1387). Нѣкоторые пѣвцы отличались особенно своими пѣвческими познаніями; три пѣвца Греческихъ, пришедши въ Россію при вел. кн. Мстиславѣ, называются *пѣвцами гораздыми* (свѣдущими), а Димитрій пѣвецъ, жившій въ Переяславлѣ, названъ *словутнымъ* (славнымъ).

Клирошане и доместики большею частію принадлежали къ сословію *людей церковныхъ*, т. е. освященныхъ на служеніе церкви. Они знали церковное пѣніе, какъ одну изъ прямыхъ своихъ обязанностей. Церковное пѣніе известно было и людямъ свѣтскимъ. Князь Борисъ пѣлъ предъ кончиною своею; князь Михаилъ Черниговскій съ воеводою своимъ Феодоромъ пѣли въ ильну Монгольскомъ. О князѣ Михаилѣ Ярославичѣ Тверскомъ лѣтописи прямо говорятъ, что онъ бѣ зъло любя *пѣніе церковное*. Между лицами низшаго сословія можно указать на пѣніе народа при двукратномъ торжественномъ перенесеніи св. мощей Бориса и Глѣба (1072 и 1115 г.),—на пѣніе Звенигородцевъ въ минуту избавленія ихъ отъ враговъ (1146 г.),—на пѣніе многихъ полковъ Кіевскихъ, когда они, по окончаніи битвы, въ темнотѣ узнали своего любимаго князя Изяслава (1151 г.). Вообще первыя историческія страницы Русской церкви не представляютъ ни прямаго, ни косвенного указанія на недостатокъ пѣвцовъ церковныхъ, не смотря на ощущительную потребность ихъ, при быстромъ распространеніи Христіанского Богослуженія въ Россіи. Соборъ 1274 г. выразилъ даже желаніе, чтобы церковное чтеніе и пѣніе отправлялось людьми, исключительно посвященными на это дѣло. Дьякъ, по опредѣленію собора, не иначе могъ читать и пѣть на амвонѣ, какъ получивъ благословеніе и посвященіе отъ архіерея, и непремѣнно въ бѣлыхъ малыхъ ризицахъ (¹).

О научномъ образованіи пѣвцовъ Русскихъ, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали, болѣе всего можно

(¹) Соборное постановление 1274. Кормч. стр. 300.

судить по письму и содержанию современныхъ нотныхъ книгъ. Большая часть этихъ книгъ писана въ Россіи и Рускими пѣвцами или любителями пѣнія, такъ напр. Майская Минея XI вѣка, принадлежавшая Новгородской Софійской библіотекѣ, писана новгородцемъ Путятою. Въ тѣхъ же нотныхъ книгахъ встрѣчается указаніе и на творчество Русскихъ пѣвцовъ. Стихирь Русскимъ святымъ и праздникамъ, установленнымъ въ Россіи довольно рано, какъ напр. преп. Феодосію Печерскому (1108 г.), св. кн. Борису и Глѣбу, и въ память перенесенія мощей св. Николая чудотворца въ Баръ-Градъ (1087 г.), имѣютъ мелодію, положенную на ноты и чуждую славянскимъ оригиналамъ нотныхъ книгъ. Весь трудъ Русскихъ пѣснорачителей и знаменотворцевъ былъ, правда, не вполнѣ самостоятельный, потому что къ новому тексту стихирь прилагалась уже готовая гласовая мелодія. Но, насколько нужно было и здѣсь техническихъ свѣдѣній, можно заключать изъ того, что и нынѣ не легко записать напѣвъ съ голоса, особенно посредствомъ крюковыхъ безлинейныхъ знаковъ. Пѣснорачители сами цѣнили свой трудъ и обыкновенно подъ нимъ подписывали свое имя. Пѣвцы второй половины XVII вѣка видѣли еще „во многихъ харатейныхъ (пергаменныхъ) ирмологіяхъ и прочаго церковнаго пѣнія книгахъ, за 400 лѣтъ и вящше „(болѣе), лѣтописная подписанія многихъ Славяно-Россійскихъ „церковныхъ пѣснорачителей и знаменотворцевъ, кто которую „книгу писалъ и яже въ ней люботрудствовалъ и при каковомъ „либо случатъ.“

Текстъ священныхъ пѣснопѣній въ первыхъ нотныхъ книгахъ Русской церкви быль частію греческій, частію славянскій.

ДВОЙНЫЙ ТЕКСТЪ НОТНЫХЪ КНИГЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XI ВѢКА.

СЛАВА ТЕ Е Е Е КЕКОЖЕ АЛЕНЬКЕ ЕЛОУ
ГИА · ТИНИКОУМЕНИ АЛЕНЬАНДРЕН
НКЕ НАНДРЕН НАНДРЕН НАНДРЕН · ЛОУ
ГНА

Славянскій текстъ, по количеству пѣснопѣній, преимуществовавъ предъ текстомъ греческимъ.

Оба текста священныхъ пѣснопѣній (и греческій и славянскій) неоднократно исполнялись при Богослуженіи, во времена св. равноапостольного князя Владимира и позже. Въ 1233 г. при блаженномъ Петрѣ, царевичѣ Ростовскомъ, въ Ростовѣ (великомъ) въ церкви Святаго Богородицы лѣвый клиросъ пѣлъ по-гречески, а правый—по-русски. Исполненіе текста священныхъ пѣснопѣній на греческомъ языкѣ, первоначально поддерживалось самими іерархами, Греками по происхожденію, мало знакомыми, или даже вовсе не знакомыми, съ славянскимъ языкомъ и письмомъ. То же исполненіе не утратило и нынѣ своего значенія въ Русской церкви, какъ бы во свидѣтельство духовныхъ отношеній, всегда существовавшихъ и доселѣ еще, по благодати Божіей, существующихъ между церковю Греческою и Русскою. При Богослуженіи, совершаемомъ Святителями Русской церкви, всегда можно слышать: *Kirie елейсонъ* (Господи помилуй), *исъ полла эти деспота* (на многія лѣта, владыко), *аксіосъ* (достоинъ) и пр.

Оба текста священныхъ пѣснопѣній въ первыхъ нотныхъ книгахъ одинаково писались славянскими буквами (алфавитомъ). Славянскій текстъ въ составѣ словъ обиловалъ буквами полугласными⁽¹⁾. Каждая полугласная буква въ нотномъ текстѣ пѣснопѣній имѣла надъ собою музикальный знакъ. Неизносимое нынѣ слово *дыньсь* имѣло надъ собою три знака, по одному знаку надъ каждою полугласною буквою *ь*. Полугласные буквы при этомъ, очевидно, произносились, ибо поставленные надъ ними знаки должны были имѣть свой явственный звукъ. Предки называли текстъ подобнаго состава *истинно-рѣчнымъ* или *праворѣчнымъ*, потому что онъ былъ сходенъ съ истинною славянскою рѣчью священныхъ пѣснопѣній, писанныхъ безъ нотъ. Инокъ Евфросинъ, жившій въ первой половинѣ 17 вѣка, замѣчалъ о харатерныхъ нотныхъ книгахъ, что „по нихъ было пѣто такоже, якоже глаголемъ, на рѣчъ.“ По этому первая эпоха церковно-русского пѣнія справедливо можетъ быть названа эпохою *стараго истиннорѣчія*.

(1) См. образцы на стр. 59.

Новая эпоха для церковного пѣнія начинается XV вѣкомъ. Она называется эпохой *раздѣльнорѣчія*, потому что во время ея совершилась перемѣна въ Славянскомъ текстѣ священныхъ пѣснопѣній. Перемѣна въ текстѣ священныхъ пѣснопѣній состояла не въ перемѣнѣ мысли текста, а въ замѣнѣ полугласныхъ буквъ буквами гласными.

СТАРОЕ ИСТИННОРѢЧІЕ.

Съгрѣшихомъ, беззаконовавахомъ, не оправдихомъ предъ тобою, ни съблюдохомъ, ни сътворихомъ, якоже заповѣданамъ, но не предажь насъ до конца отъческаго Боже.

РАЗДѢЛЬНОРѢЧІЕ.

Согрѣшихомо и беззаконновахомо, не оправдихомо передо тобою, ни соблюдохомо, ни сътворихомо, якоже заповѣданамо, но не предаиже насъ до конца отеческаго Боже.

Замѣна полугласныхъ буквъ гласными послѣдовала потому, что предки наши стали затрудняться произношеніемъ полугласныхъ буквъ, и вмѣсть съ тѣмъ и исполненіемъ звукового знака, стоявшаго надъ буквою полугласною. Замѣною полугласной буквы на гласную совершило устранилась трудность въ исполненіи звуковыхъ знаковъ. Такимъ образомъ текстъ нотныхъ книгъ явно принесенъ былъ въ жертву церковной мелодіи, или ближе—ея семеографіи. Предки наши, безъ сомнѣнія, никогда не согласились бы принести подобной жертвы, несогласной съ назначеніемъ Богослужебнаго пѣнія и характеромъ Славянскаго языка. Но послѣствія подобной замѣны не могли быть предусмотрѣны тогдашними пѣвцами исполнителями, потому что раздѣльнорѣчіе въ текстѣ нотныхъ книгъ слагалось *постепенно*.

Стремленіе къ раздѣльнорѣчію возникло еще въ исходѣ 14 вѣка; но оно являлось тогда въ очень слабой степени, сдержанно, изрѣдка; полугласные буквы переправлены были только въ нѣкоторыхъ нотныхъ книгахъ и въ не многихъ словахъ. Напротивъ, слѣдующій вѣкъ вполнѣ можетъ почитаться образовательною эпохой раздѣльнорѣчія. Замѣна полугласныхъ буквъ гласными совершилась въ это время довольно дѣятельно, такъ что, къ концу 15 вѣка, раздѣльнорѣчіе сложилось окончательно, находилось во всѣхъ нотныхъ книгахъ, въ какой бы мѣстности тогдашней Россіи онѣ ни были писаны. Раздѣльнорѣчіе, въ пол-

номъ видѣ своеемъ, изумило современниковъ и Новгородскій лѣтописецъ подъ 1476 г. замѣтилъ, что „тояже зими нѣкоторые философове (такъ названы пѣвцы) начали пѣти: „о Господи помилуй,—а друзья Осподи помилуй“.

Распространенію и утвержденію раздѣльнорѣчія въ Россіи весьма много содѣствовали современные пѣвцы-исполнители и современная пѣвческія школы.

Въ началѣ XV вѣка еще существовали въ Новгородѣ знаменитые пѣвцы, славные и своимъ голосомъ и знаніемъ церковнаго пѣнія. Къ нимъ относились Новгородскіе клирошане св. Софіи (1404 и 1416 г.) и *Наумъ клирошанинъ*, скончавшійся 16 Апрѣля 1416 г. Стоглавый Соборъ также упоминаетъ о славѣ прежнихъ *читцовъ и пѣцовъ*, сохранившейся даже до временъ Собора. Но въ исходѣ XV вѣка въ томъ же самомъ Новгородѣ *подзяки*, которые почти не различались отъ чтецовъ и пѣцовъ, были *ребята глупые*, и на клиросахъ пѣли *мужики озорные*. И это было не въ одномъ Новгородѣ, а почти повсюду. „Во всей землѣ Русской, говорилъ Новгородскій архіепископъ Геннадій, ведется беззаконіе: мужики озорные на „клиросѣ поютъ, и паремью и Апостолъ на амбонѣ чтутъ, „да еще и въ олтарь ходятъ“.

Въ XV вѣкѣ было не мало частныхъ школъ, въ которыхъ преподавалось, между прочимъ, церковное пѣніе. Лѣтописи упоминаютъ о школахъ Новгородскихъ, Псковскихъ, Московскихъ. Не должно представлять себѣ здѣсь, чтобы эти школы были правильно организованы и контролированы, и составляли собою родъ консерваторіи, или капеллъ. Напротивъ, это были заведенія частныя. Пѣвецъ, или мастеръ, бралъ къ себѣ за известныя условія ученика и обучалъ его чтенію, письму и пѣнію у себя въ домѣ, не давая никому отчета, и не отвѣчая ни передъ кѣмъ за успѣхи ученика своего. Всѣ эти школы, можетъ быть потому, что онѣ были единственными тогда школами, пользовались особеною славою, о которой засвидѣтельствовалъ и Стоглавый Соборъ. Но въ исходѣ XV вѣка, вѣроятно, эти школы только оставались въ цѣлости, — прочія же школы хотя и существовали, но не удовлетворяли современной потребности. Новгородскій архипастырь Геннадій говорить объ ученикѣ такихъ школъ, что „когда отъ мастера отойдетъ и онъ ничего не умѣеть, только бредеть по книгѣ, а церковное пѣніе.

ковнаго постатія (благочинія) ничего не знаеть.“ Тотъ же архипастырь называетъ учителей *мужиками невѣжами*, и говоритъ, что они у учениковъ только рѣчъ портятъ. „А се мужики невѣжи учатъ робять, да рѣчъ ему испортятъ“.

Подъ вліяніемъ такого учебнаго направленія раздѣльнорѣчіе съ самаго начала XVI вѣка сдѣлалось господствующимъ пѣніемъ въ церкви Русской. Сами іерархи писали нотныя книги не иначе, какъ раздѣльнорѣчіемъ, таковы напр. Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій,—Феодосій, архіепископъ Новгородскій и Псковскій,—Савва черный, епископъ Крутицкій (1544 г.). Хотя пастыри оставляли подобныя книги, какъ они говорили, *на списокъ*, и тѣмъ какъ бы косвенно утверждали и признавали раздѣльнорѣчіе, но вмѣстѣ съ симъ всемѣрно старались употреблять мѣры къ исправленію церковнаго пѣнія. Къ такимъ мѣрамъ относились: попеченіе объ открытии училищъ (1496—1504), забота о наполненіи клиросовъ опытными пѣвцами—вдовыми священниками и діаконами (1503 г.) и объ исправленіи виновныхъ клирошанъ (1539 г.). Къ такимъ же мѣрамъ должно отнести и мысль о вызовѣ опытныхъ пѣвцовъ изъ-за границы (1547 г.).

Лѣтописи ничего не говорятъ о размноженіи училищъ въ исходѣ XV и началѣ XVI вѣка. Посему одна изъ существенныхъ мѣръ къ уменьшенію церковнаго соблазна своевременно не осуществилась. Наполненіе клиросовъ болѣе опытными пѣвцами, вдовыми священниками и діаконами, не увѣнчалось желаемымъ и ожидаемымъ успѣхомъ. Намѣреніе улучшить пѣніе теоретически образованными въ музыкѣ иностранцами оказалось явленіемъ позднимъ, и притомъ осталось безъ послѣдствій. Шліттъ, посланный въ Саксонію въ 1547 г., дѣйствительно имѣлъ у себя пѣвца для Россіи; но этотъ пѣвецъ не достигъ столицы Русской.

Къ ряду многихъ несовершенствъ въ церковномъ пѣніи присоединилось еще церковное неблагочиніе пѣвцовъ. Они стали читать и пѣть въ храмѣ *голоса вѣ два и вѣ три*. Сущность этого обычая, продолжавшагося очень долго въ Русской церкви, подробно изложена въ Духовномъ Регламентѣ. „Худый и вредный, и весьма богонротивный обычай вошелъ, службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня, на части разобрана, вдругъ отъ мно-

гихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и четцовъ совершаются.“

Обычай разногласія въ Богослужебномъ чтеніи и пѣніи возникъ, очевидно, на кориѣ раздѣльнорѣчія. Введеніе излишняго числа гласныхъ буквъ въ славянскій текстъ священныхъ пѣснопѣній необходимо должно было сопровождаться продолжительностію самого пѣнія. Меньшее число гласныхъ въ данномъ словесномъ выраженіи естественно произносится скорѣе, чѣмъ большее число въ томъ же выраженіи. Такимъ образомъ церковная мелодія, положенная надъ текстомъ свящ. пѣснопѣній, удлинилась не сама по себѣ, но въ слѣдствіе излишняго числа гласныхъ буквъ въ текстѣ, требующихъ продолжительного произношенія. Замедленіе въ пѣніи, естественно, также зависѣло отъ малоопытности пѣвца-исполнителя. Только опытный чтецъ можетъ читать ясно, раздѣльно и вмѣстѣ скоро; только опытность и искусство даютъ возможность исполнять Богослужебное пѣніе отчетливо, внятно, безъ промедленія.

Неспѣшность въ пѣніи частію невольная, частію преднамѣренная, происходившая отъ желанія исполнять пѣніе точно по нотамъ и съ должнымъ благоговѣніемъ, на значительную часть удлиняло Богослужебное время. Естественнымъ послѣдствиемъ сего обстоятельства было желаніе по возможности сократить это время, безъ нарушенія предписаній Церковнаго Устава относительно количества въ чтеніи и пѣніи. Прискиваемое къ тому средство должно было удовлетворять одному условію: все, предписанное Церковнымъ Уставомъ для чтенія и пѣнія, исполнить не спѣшино, но въ менѣе продолжительное время. Церковный Уставъ, назначая предметъ для чтенія и пѣнія, указывалъ вмѣстѣ и на самую послѣдовательность, или на порядокъ, въ какомъ должны быть читаны и пѣты извѣстныя пѣснопѣнія. Для сокращенія Богослужебнаго времени предки наши пожертвовали послѣдовательностію Богослужебнаго чтенія и пѣнія, и стали читать и пѣть *голоса въ два и въ три*, то есть, стали исполнять современно одинъ—одно, другой—другое пѣснопѣніе.

Стоглавый Соборъ упоминаетъ объ этомъ обычаяхъ, какъ о безчиніи, значительно утвердившемся и распространенномъ въ Россіи.

Царь Иванъ Васильевичъ на Соборѣ 1551 г. открыто изложилъ передъ союзомъ русскихъ Іерарховъ всѣ недостатки въ

благочиній церковного п'яння. Онъ упомянулъ, между прочимъ, о „*п'яніи нестроїномъ*“, о чтеніи и п'яніи голоса въ два и въ три, и указалъ на причину сего нестроенія, именно на недостатокъ школъ для обучения церковному п'яню и на недостатокъ въ опытныхъ п'евцахъ, знаяшихъ свое дѣло. „Прежъ сего въ Россійскомъ Царствѣ грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было,“ говорилъ Царь, „п'евцы и четцы и добронесцы тогда славны были по всей земли и до днесь“ (¹). Собору русскихъ Іерарховъ Царь предоставилъ изыскать средства къ искорененію великаго безчинства въ православіи, утвердившагося обычаемъ.

Никто лучше не понималъ всѣ недостатки въ благочиніи церковномъ, какъ сами Іерархи. Соборъ сдѣлалъ главнымъ образомъ два распоряженія.

Первымъ постановленіемъ предполагалось сократить, по возможности, церковное п'яніе и замѣнить его чтеніемъ, какъ словеснымъ служеніемъ, менѣе протяжнымъ. Соборъ предписывалъ совершать службу Божію „чинно и немятежно, кононы говорить (а не пѣть) со вниманіемъ, хвалитныя стихиры и великое славословіе пѣть, а не говорить, — а вкупе бы псалмовъ и псалтири не говорили и кононовъ вдругъ не конархали, и не говорили по два вмѣстѣ, зане же то въ нашемъ православіи великое безчинство ввелося.“

Вторымъ постановленіемъ Стоглавый Соборъ предписывалъ всѣмъ священнослужителямъ открывать въ домахъ училища, указывая при этомъ не на средства къ открытію и содержанію училищъ, а только на одинъ предметъ ученія. „Такожъ бы есте избрали и уставили книжныя училища и книжныхъ писцовъ училище, въ городѣ и на посадѣ, и по волостемъ, и по погостомъ; а избирали бы есте добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконовъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, и могущихъ и иныхъ пользовати, и у тѣхъ бы есте у священниковъ и діаконовъ учинили въ домахъ училище, чтобы всѣ священницы и діакони и всѣ православные христіане въ каждомъ градѣ, и по волостемъ и по селамъ, препдавали и мъ своихъ дѣтей на ученіе грамотъ и на ученіе книжнаго письма, и церковнаю п'янія и чтенія наложнаго. И тѣ-бъ

(¹) Стогл. гл. 23.

священники и діаконы и дьяки избранныя по училищамъ учили
своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писать и пѣти
и чести (читать) со всякимъ духовнымъ наказаніемъ“.

Наказные списки объ этомъ разосланы были во всѣ предѣлы
тогдашняго русскаго царства. Послѣдствія оказались благот-
ворными.

По мысли Стоглаваго Собора школы для пѣнія учредились
быстро и повсемѣстно. Старыя и совершенно новыя, или возоб-
новившіяся, школы наполнились учениками, этими „несыты-
ми землянами тяжущими съ лихвою долга, сирлью прося-
ющими смиренныя мудрости, въ ней же и утвердитися хотя-
щими.“ Особено славными изъ всѣхъ школъ были школы
новгородскія и московскія.

Знаменитыми учениками, а потомъ и мастерами, новгород-
ской школы XVI вѣка были: Иванъ Акимовичъ Шайдуровъ,
уроженецъ новгородскій и братъ Савва и Василій Роговы,
урожденцы Кареліи. О Васильѣ Роговѣ, въ послѣдствіи Варла-
амѣ, митрополитѣ ростовскомъ (1586 г.), известно, что онъ
„зѣло пѣти былъ гораздъ знаменному и троестрочному и деме-
ственному пѣнію, былъ росиѣвщикъ и творецъ“. Братъ его,
Савва Роговъ, занимался преимущественно обученіемъ многихъ
церковному пѣнію. Школы новгородскія образовали множество
пѣвцовъ. Особенно славенъ былъ въ Новгородѣ хоръ св. Софіи.
За удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ, новгородскія школы
набирали пѣвцами и другіе русскіе города. Новгородская школа
положила начало церковному пѣнію въ Усольской странѣ. Пер-
вую пѣвческую школу въ сѣверовосточной Россіи основалъ зна-
менитый ученикъ Саввы Рогова, Стефанъ Голышъ. При содѣй-
ствіи современныхъ покровителей просвѣщенія, Строгоновыхъ,
онъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ. Изъ учениковъ Голыша особенно
славился Иванъ Лукошковъ, въ послѣдствіи Исаія, архиман-
дритъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря. Новгородскія
школы дали своихъ учениковъ и Москвѣ; изъ нихъ исторически
известны ученики Саввы Рогова, Иванъ Носъ и Феодоръ Хри-
стіанинъ. Послѣдній былъ въ Москвѣ священникомъ и самъ
сознавался, что онъ знаетъ только церковное, а не мирское
пѣніе.

Въ Москвѣ имѣлъ у себя школу, известный современный
всемога, духовникъ царскій, протопопъ Сильвестръ, родомъ

новгородецъ. Учрежденіемъ этой школы Сильвестръ исполнялъ давній обычай, принятый имъ еще въ Новгородѣ. „Видѣлъ еси, чадо мое, писаль Сильвестръ въ своемъ Домостроѣ (1547—1550 г.), сколько пустошныхъ сиротъ и работныхъ, и убогихъ мужеска полу и женска, и въ Новгородѣ и здѣ на Москвѣ, вскормихъ и вспоихъ до совершенна возраста, изучихъ кто чего достоинъ, многихъ грамотъ, и писати *и пѣти.*“ Логгинъ, головщикъ Троицкаго Сергиева монастыря, по свидѣтельству Преп. Діонисія, *многи ученики обучалъ.* Московскія школы много содѣйствовали къ распространенію свѣденій о церковномъ пѣніи и образовали не мало пѣвцовъ. Въ исходѣ XVI и началѣ XVII в. совершенно не слышно жалобъ не только на ощущительный, но даже и вообще на какой либо, недостатокъ ихъ. Изъ пѣвцовъ, знаяшихъ основательно церковное пѣніе, составлялись значительные хоры.

Въ нотныхъ книгахъ 1592 и 1593 г. упоминается о пѣвчихъ дьякахъ и поддьякахъ у патріарха, у митрополитовъ, у архіепископовъ и епископовъ. Всѣ эти пѣвцы признавались—*служилыми лицами*, и ограждены были закономъ отъ оскорблений и безчестія. По Уложенію 1649 г., пѣвчіе митрополичьи, архіепископли и епископли получали за безчестіе: дьяки—по три рубли человѣку, а поддьяки—по два рубли человѣку. Особенно славными хорами были: хоръ царскихъ и хоръ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ.

Хоръ царскихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ извѣстенъ былъ еще ранѣе временъ Царя Ивана Васильевича Грознаго. Лѣтописи упоминаютъ о немъ, какъ объ особенномъ хорѣ при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, и замѣчаютъ, что онъ раздѣлялся на станицы, но онъ не передаютъ извѣстія ни о числѣ станицъ, ни о числѣ пѣвчихъ въ самыхъ станицахъ. Особенное развитіе получилъ царскій хоръ пѣвчихъ дьяковъ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Въ это время онъ состоялъ изъ шести станицъ, по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ.

Въ позднѣйшее время составъ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ почти никакъ не измѣнялся въ своемъ числѣ.

Обязанностію государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ было всегда присутствовать при Богослуженіи въ дворцовыхъ храмахъ,—сопутствовать Царю въ его походахъ. Царь Иванъ Васильевичъ неоднократно бралъ съ собою пѣвцовъ, то въ

Александровскую слободу, то въ Новгородъ. Государевы пѣвчіе дѣяки являлись вездѣ, гдѣ присутствовалъ Царь: въ крестномъ ходу, при погребеніи особъ Царскаго Дома, а также и при совершеніи царскихъ панихидъ въ московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, или въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Содержаніе государевыхъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддѣяковъ было вполнѣ обеспеченное. Имъ выдавалось царское жалованье деньгами, одеждой, дровами, годовыми сукнами по случаю причащенія особъ Царскаго Дома. Болѣе заслуженные пѣвцы царскіе получали, въ награду и вмѣсто жалованья, приставство по различнымъ знаменитымъ монастырямъ. Въ 1551 г. царь Иванъ Васильевичъ Грозный пожаловалъ своихъ пѣвчихъ дѣяковъ Гаврилку Оенонасьева, Матюшку Адамова, Митку Царева, за свое царево и великаго князя казенное жалованье, даннымъ приставствомъ Живоначальной Троицы Сергіева монастыря и Троицкихъ монастырей, сирѣчъ Благовѣщеніе, что на Кержакѣ, и когда дву приставовъ, Матюши Адамова да Митки Царева, не стало, и тогда Царь и Великій Князь даннымъ приставствомъ пожаловалъ пѣвчаго дѣяка Третьяка Звѣринцева. Не малымъ источникомъ къ содержанію государевыхъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддѣяковъ служило также *славленіе*. Всѣ служилыя лица того времени обязывались принимать государевыхъ пѣвцовъ и выдавать имъ *славленое*.

Государевы пѣвчіе дѣяки и поддѣяки имѣли преимущество предъ всѣми хорами въ Русскомъ царствѣ. Второе мѣсто послѣ нихъ занимали пѣвчіе патріарховы дѣяки и поддѣяки. Когда два эти хора присутствовали вмѣстѣ при совершеніи Богослуженія, то всегда пѣвчіе Государевы занимали въ храмѣ правый клиросъ, а патріарховы пѣвцы — лѣвый клиросъ. Въ крестныхъ ходахъ и другихъ подобныхъ торжествахъ Государевы пѣвчіе шли послѣ пѣвцовъ патріаршихъ.

Хоръ Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддѣяковъ былъ не малочисленъ. Въ 1649 г. патріаршіе пѣвчіе дѣяки составляли 1-ю и 2-ю станицы, а — поддѣяки составляли другія, большія или меньшія, станицы. Въ послѣдствіи патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддѣяки состояли изъ столькихъ станицъ, сколько ихъ было между государевыми пѣвчими.

Патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддѣяки, которые назывались иногда и просто Патріаршими пѣвчими, обязаны были совер-

шать Богослужебное пѣніе въ храмѣ при служеніи Патріаршемъ, участвовать въ крестныхъ ходахъ, сопутствовать Патріарху на бого molье. Въ храмѣ каждая станица пѣвчихъ занимала особый клиросъ, такъ что одна станица пѣвчихъ дьяковъ становилась на правый клиросъ, а другая на лѣвый. При пѣніи въ храмѣ они всегда облачались въ стихари. Патріаршіе пѣвчіе не рѣдко пѣли при столѣ у Царя, особенно когда за столомъ находился Патріархъ.

Пѣвчіе патріарши дьяки помѣщались въ особенныхъ слободахъ. Эти слободы остались неприкосновенными даже во времена Алексія Михайловича, когда повелѣно было „у Патріарха слободы взяти совсѣмъ.“ Содержаніе патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ было удовлетворительно. Они получали изъ патріаршой казны деньги окладныя, или годовое жалованье, служебныя, славленныя, милостынныя, ставленныя пошлины, сборныя съ приходскихъ московскихъ церквей и пр. По кончинѣ патріарха Іосифа, Царь Алексій Михайловичъ изъ суммы, оставшейся послѣ Патріарха, собственноручно раздалъ каждому изъ пѣвчихъ дьяковъ „по 10 рублей“ милостыни. Царь не рѣдко также жаловалъ патріаршихъ пѣвчихъ то выдачею денегъ, то сукнами, то обѣденнымъ столомъ. Неоднократно также патріарши пѣвчіе угощались у Патріарха или за столомъ, или у погреба.

Патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддьяки всегда при Богослуженіи первенствовали предъ пѣвчими митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ: въ этомъ случаѣ патріарши пѣвчіе всегда становились на правомъ клиросѣ. Но независимо отъ іерархическихъ преимуществъ, самыя гражданскія права патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддьяковъ были значительные, чѣмъ прочихъ пѣвчихъ. Тогда какъ Митрополичьи и прочіе пѣвцы сравнивались вообще съ причетниками, патріаршіе пѣвчіе дьяки имѣли права казначеевъ монастырскихъ, а поддьяки — права старцевъ всѣхъ монастырей. По Уложенію Царя Алексія Михайловича, за безчестіе патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ 1-й станицы слѣдовало платить семь рублей человѣку, — а за безчестіе пѣвчихъ дьяковъ 2-й станицы и поддьяковъ большихъ станицъ — по пяти рублей человѣку, — за безчестіе поддьяковъ меньшихъ станицъ — по три рубли человѣку.

Пѣвцы вообще пользовались уваженіемъ и почетомъ. Даже въ монастыряхъ они имѣли иѣкоторое преимущество предъ

наличнымъ составомъ братіи, какъ, напримѣръ, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ 16-го вѣка. Изъ пѣвцовъ этой обители въ 1609 г. были известны: головщикъ праваго клироса Паисій Литвиновъ, и головщикъ лѣваго клироса Гурій Шишкінъ.

Пѣвцы не мало заслуживали вниманіе за обширность ихъ свѣдѣній въ церковномъ иѣніи, за твердое знаніе церковной мелодіи, за особенную любовь къ церковному пѣнію. Все это въ исходѣ XVI и началѣ XVII вѣка выразилось *во-первыхъ* пѣніемъ такихъ пѣснопѣній, которыя прежде никогда не пѣвались даже въ значительныхъ монастыряхъ, какъ напримѣръ въ Троицкой Лаврѣ—стихи Аммореовы; *во-вторыхъ* обиліемъ *молодыхъ* пѣвцовъ-отрочатъ, которые не только могли быть исправными, или искусными исполнителями, но даже, нисколько не стѣсняясь, принимали на себя обязанность обучать другихъ пѣвческому искусству; *въ третьихъ*—пристрастіемъ къ изученію пѣнія разнообразнаго: головщикъ Логгинъ, научилъ племянника своего Максима пѣти на семнадцать напѣвовъ разными знамены, а иные славныя стихи переводовъ не только по пяти, но шести, по десяти и больше.“

Труды пѣвцовъ, въ исходѣ XVI и началѣ XVII в., были очень многочисленны и разнообразны. Ни въ одно, ни въ предшествующее ни въ послѣдующее, время не написано было такъ много и такихъ объемистыхъ нотныхъ книгъ, какъ въ это время. Ими положены на ноты „Псалтирь и въ нашей рустѣ земли прославившій безчисленными чудесы мужемъ же и женамъ, иже именуются новые чудотворцы, овымъ стихеры, и инымъ же славники, а инымъ слитіями и съ хвалитными стихеры и свеличаніемъ полные празднества, отъ мѣсяца Сентября до конца мѣсяца Августа.“ Псалтырь положенъ на ноты монахомъ, а потомъ игуменомъ Новгородскаго Хутынскаго Монастыря, Маркелломъ Безбородымъ. Въ составленіи нотоположенія стихирь разнымъ святымъ Русскимъ принимали участіе разныя лица, даже самъ царь Иванъ Васильевичъ. Въ это же время, въ кругъ извѣстныхъ уже нотныхъ книгъ внесены особыя книги подъ заглавіемъ: „всенощное бдѣніе“ и „Трезвонъ.“ Нотная книга подъ заглавіемъ—послѣдованіе всенощенаго бдѣнія, спрѣчъ великія вечерни, вмѣщала въ себѣ пѣснопѣнія не только всенощенаго бдѣнія, но и другихъ Богослуженій. Эта книга—родоначальникъ нашего нотнаго Обихода. Нотная книга

„Трезвонъ“ содержала въ себѣ службы такимъ святымъ, ко-
торымъ на вечерней службѣ предписывается уставомъ пѣть
шесть стихиръ на „Господи воззвахъ“ и разрѣшается произво-
дить звонъ въ три колокола, или—что тоже—совершать трезвонъ.
Тѣми же пѣвцами разширена нѣсколько самая область семеи-
ографіи: кромѣ нотъ знаменныхъ или столповыхъ, во второй
половинѣ XVI вѣка, сдѣлялись извѣстны *ноты демественные* и,
такъ называемое, *Казанское знамя*. Ими наконецъ, какъ уви-
димъ, значительно оразнообразена область церковнаго пѣнія и
составленъ роспѣвъ средній и малый. Въ лѣтописяхъ ясно за-
мѣчено, что въ это именно время, въ Тихвинскомъ монастырѣ
игуменъ нача пѣти *субтитоны средніе*. Составленіе малаго и сред-
няго Богослужебнаго роспѣва вполнѣ соотвѣтствовало мыслямъ
Отцовъ Стоглаваго Собора, явно было направлено къ сокра-
щенію Богослужебнаго времени, и слѣдовательно къ искоренен-
ію порока двоегласія.

Практика церковная убѣждала однако же въ томъ, что пѣвче-
скія школы, не смотря на ихъ великое современное значеніе,
только отчасти соотвѣтствовали своему назначенію. При Бо-
гослуженіи, въ первой половинѣ XVII вѣка, въ церквяхъ гос-
подствовало прежнее *великое неисправление*. Патріархъ Гермо-
генъ (1606—1612) сильно обличаетъ его въ своемъ наказатель-
номъ посланіи ко всѣмъ людямъ, паче же священникамъ и
діаконамъ. „Повѣдаютъ намъ, писаль онъ, христолюбивые
„люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, и сказываютъ,
„что-де въ мірскихъ людехъ, паче же во священническомъ и
„ииноческомъ чинѣ, вселися въ церковномъ пѣніи великое не-
„исправление. По преданію св. Апостолъ и по уставу св. Отецъ
„церковнаго пѣнія не исправляютъ и говорятъ-де голоса
„въ два и въ три и въ четыре, а индѣ въ пять и въ шесть и
„то нашего Христіанскаго закона чуже“. Причины такого пла-
чевнаго состоянія заключались въ недостаткѣ нравственнаго
образованія пѣвцовъ. Церковные пѣвцы съ лѣнностю и нера-
дѣніемъ исправляли свою обязанность въ храмѣ, оказывали
пренебреженіе къ старшимъ, постоянно враждовали между собою.
Въ 1572 г. 24 іюля Новгородскій архіепископъ Леонидъ ве-
лѣль дѣяковъ своихъ пѣвчихъ, Сергія дѣяка съ товарищи, по-
ставить на *праведни*, и велѣль на нихъ взять съ головы по
полтинѣ по Московской за то, что дѣяки не ходятъ къ началу

къ церкви. „Да и межъ собою тые краснопѣвцы, пишеть „Еуфросинъ, укоряющеся, другъ друга поносять, себя кійждо „величаетъ и хваляся глаголеть: азъ есмь Шайдуровъ ученикъ, „а инъ хвалится Лукошковымъ учениемъ.“ Объ ученикахъ головщика Логгина также говорится, что „гдѣ ученики его ни сойдутся, тутъ и бранятся“.

Молодые пѣвчіе занимались перепискою нотныхъ книгъ и писали неисправно, съ погрѣшностями. „Во многія лѣта, говорилъ инокъ Еуфросинъ, молодыя отроочата учившеся пѣти у „подобныхъ себѣ, а иные писати, донынѣ списываютъ другъ „у друга переводъ съ перевода и тетрадки съ тетрадокъ, не „зная добръ ни силу рѣчи, ни разумъ стиха, ни буквы вѣдая, и „въ той перепискѣ отъ ненаученія, или отъ недосмотра, описы- „ваются“. Нотныя рукописи, кромѣ неумышленныхъ погрѣш- ностей малолѣтныхъ писцовъ, совершенно отличались и отъ старыхъ нотныхъ рукописей и отъ Богослужебныхъ книгъ иенот- ныхъ. Эти различія стали предметомъ устныхъ и письменныхъ разсужденій. Пастыри церкви и многіе изъ православнаго на- рода единодушно стремятся обличить недостатки хомовыхъ книгъ, несмотря на всеобщее употребленіе ихъ въ современной церк- ви, несмотря даже на свою привычку къ нимъ. Въ чемъ же, по мнѣнію современниковъ, заключалась вся неисправность знамен- ныхъ хомовыхъ книгъ и ихъ разногласіе съ старознаменными рукописями?

Все различіе хомовыхъ знаменныхъ отъ старознаменныхъ книгъ состояло, по мнѣнію современниковъ, не въ нотахъ или знаменахъ, т. е. не въ мелодіи церковнаго пѣнія, а только въ несходствѣ текста священныхъ пѣснопѣній. Объ этомъ не- сходствѣ писали инокъ Еуфросинъ (1637 г.) и Мартемьянъ Шестакъ, справщикъ Московскаго печатнаго двора (1659 г.) и писатель „о пѣніи Божественному“. „Многа убо, говоритъ „первый изъ нихъ, и безчисленна злая опись въ знаменныхъ „книгахъ: рѣдко такой стихъ обрящется, который бы былъ „неиспорченъ въ рѣчахъ во всякомъ знаменномъ пѣніи.“ „Зри, „говорить послѣдній, колико неисправленіе въ единогласныхъ „пѣніихъ, еже слова Божественная на хомони пѣваемая и до- нынѣ“. Такое заключеніе о знаменныхъ хомовыхъ книгахъ ясно сдѣлано на основаніи сличенія ихъ съ старознаменными кни- гами. Въ нашихъ знаменныхъ книгахъ, говоритъ Еуфросинъ,

„священныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ, письменныхъ, древнихъ и новыхъ книгъ. Книги харатейныя были писанныя и по нихъ было *пъто тако же, яко же глаголемъ—на рѣчь*, а не якоже нынѣ многое обрѣтается: индѣ рѣчи неприличныя послѣдующему разуму приложены, а во иныхъ мѣстахъ нужнѣйшая глаголанія разуму отъяты, и всяkie глаголы буквами лишними переломаны, и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священному писанію учиються, чужи, не свойственны и сопротивны. Гдѣ бо обрящутся въ священномъ писаніи нашего природнаго языка словенскаго діалекта сице выя несогласныя рѣчи: сопасо (съпасъ—спасъ), пожеру (пожъру—пожру), во монъ (вомънъ—во мнъ), волаемо (вълаемъ—влаемъ), иземи (изъми—изми), людеми (людьми) сонѣдаяй (сънѣдаяй—снѣдаяй), вонуче (вънуче—внуче)“. Иночъ Евфросинъ ясно указываетъ при этомъ и на то, что такое разнорѣчіе въ текстѣ старыхъ, хомовыхъ, знаменныхъ книгъ произошло изъ желанія сохранить надъ текстомъ священнаго пѣснопѣнія старое расположение нотъ, т. е. сохранить цѣлость напѣва въ стихирѣ. „Пѣніемъ нашимъ, говорилъ иночъ Евфросинъ, точію гласть украшаемъ и знаменные крюки бережемъ, а священныя рѣчи до конца (вполнѣ) развращены противу печатныхъ, письменныхъ, древнихъ и новыхъ книгъ“.

Отъ неумѣстнаго береженія ноты и, соединенного съ нимъ, измѣненія въ текстѣ священныхъ пѣснопѣній, какъ главнаго и основнаго недостатка въ раздѣльнорѣчныхъ, или хомовыхъ, книгахъ происходили два другіе недостатка, побочные, второстепенные, но также важные.

Во-первыхъ, отъ измѣненія славянской рѣчи въ нотныхъ священныхъ пѣснопѣніяхъ естественно произошло неправильное сочетаніе удареній слова съ силою поставленнаго надъ нимъ звуковаго знака, такъ что слогъ съ удареніемъ нерѣдко имѣлъ надъ собою менѣе продолжительный, а слогъ безъ ударенія — болѣе продолжительный звуковый знакъ. Неправильность въ соответствии ударенія слова съ силою ноты особенно усилилась въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Въ знаменныхъ книгахъ этого времени слышались слова: душу вмѣсто душу, Господѣ вм. Господа, буди вм. буди, небо вм. нѣбо, и онѣ вмѣсто юна и пр. Пастыри церкви строго обличали такія погрѣшности въ нотныхъ книгахъ и въ исполнителяхъ церковнаго пѣнія.

Историческимъ подтверждениемъ сему служать замѣчанія преп. Діонисія, сдѣланныя головщику Логгину.

Во-вторыхъ, хомовыи текстъ священныхъ пѣснопѣній служилъ удобнымъ средствомъ затруднить первоначальное изучение церковнаго пѣнія. Недобросовѣстные мастера или учители пѣнія нерѣдко пользовались этимъ средствомъ изъ своекорыстныхъ цѣлей. Они, по свидѣтельству современниковъ, брали за уроки пѣнія „*мзду велю и паче мъры*, и притомъ какъ скоро за- „*мѣчали* у себя ученика остроумна естествомъ и вскорѣ познающа „*пѣніе* ихъ и знамя, тотчасъ скрывали отъ него добрые пере- „*воды* или исправные списки нотныхъ книгъ и учили пѣть по „*перепорченныемъ и не съ прилежаніемъ* того ради, точію бо „*единъ* славенъ быль отъ человѣкъ паче всѣхъ“. При такомъ направленіи учителей, самое обученіе пѣнію по хомовому тексту совершалось крайне медленно. Каждый ученикъ долженъ былъ усвоить пѣвческое значеніе безлинейныхъ нотъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ буквальною точностію исполнять самый текстъ нотныхъ рукописей. Такъ какъ этотъ текстъ во многомъ отличался отъ построенія Славянскаго языка и отъ печатныхъ книгъ не нотныхъ, то ученикъ, знавшій печатный текстъ священныхъ пѣснопѣній, снова долженъ былъ изучать тотъ же текстъ, чтобы исправно *пѣть*, или исполнять его при Богослуженіи.

Противъ раздѣльнорѣчія, въ первой половинѣ XVII вѣка, явно направлено было общественное мнѣніе. Многіе пѣвцы, ревновавшиe о славѣ Божіей и церковномъ благочиніи, рѣшились приняться за исправленіе нотныхъ хомовыхъ книгъ „на рѣчъ“. Они, по крайнему разумѣнію своему, исправляли въ нотныхъ книгахъ то одно, то другое, то съ одного, то съ другаго списка, какой находили, или признавали, вѣрнымъ и исправнымъ. Болѣе опытные въ различеніи истины обращались въ этомъ случаѣ къ подлинникамъ, старымъ, пергаменнымъ нотнымъ рукописямъ. Въ нотныхъ книгахъ, относящихся ко временамъ Царя Михаила Феодоровича, не рѣдко можно встрѣтить замѣчанія: *до тѣхъ мѣстъ справилъ*, и надписи надъ пѣснопѣніями „*на рѣчъ*“. Первые пѣвцы-исправители явились въ Москвѣ, какъ православной Столицѣ православнаго Царства, и по-томъ во всѣхъ окрестныхъ городахъ и святыхъ обителяхъ. Мезенецъ записалъ: „*по тѣхъ же временехъ начаша, царству-*

„ющаго града Москвы, во всѣхъ градѣхъ и монастырѣхъ и въ „селѣхъ, знаменнаго пѣнія мало искусніи мастеры кийждо всякъ „отъ себе исправляти на правую рѣчь, и во единогласіе не прі- „идоша. Овоже грубіи и зѣло мало ученіи на сіе великое дерз- „нуша, и отъ того ихъ дерзновенія вездѣ, во всѣхъ градѣхъ и „селѣхъ, учинилось веліе *разгласіе*, что и во единой церкви не „такмо тріемъ или многимъ, но и двѣма пѣти стало невозмож- „но“. Частныя усилія не могли быть впрочемъ достаточными для такого великаго дѣла: они всегда, какъ усилія частныя, при всѣхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, по меньшей мѣрѣ, могли быть не совершенны.

Гражданская и церковная власти рѣшились принять сами на себя исполненіе общественнаго стремленія: возстановить въ Богослужебномъ пѣніи священную древность и приличнымъ образомъ обуздать неблагочиніе пѣснорачителей-дидаскаловъ. Въ 1652 г. обращено было вниманіе на оба недостатка: на много-голосное, или лучше, разноголосное, исполненіе Богослужеб-наго пѣнія, и на *хомонію* нотныхъ книгъ.

Конецъ разноголосному исполненію, или *разгласію*, Богослу-женія полагается окружною увѣщательною грамотою Царя, пи-санною съ совѣта патріарха Іосифа, всего освященнаго собора и всего царскаго синглита. Эта грамота заключаетъ въ себѣ описание тѣхъ же недостатковъ въ церковномъ благочиніи, ко-торые существовали ровно сто лѣтъ тому назадъ, во времена Стоглаваго Собора. Она говоритъ, что еще въ 1561 г. въ Мос-ковскомъ государствѣ, на Москвѣ, въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, и въ соборныхъ церквахъ существовало *отъ небреженія* много-голосное т. е. разголосное пѣніе, пѣли и говорили голоса въ два и въ три, и въ четыре, то есть, соединяя одновременно разные напѣвы и разныя молитвы. Царскою грамотою предпи-сывалось, „по преданію св. Апостоль и св. Отецъ и по уставу пѣти во святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно на Мос-квѣ и по всѣмъ городамъ *единогласно*“.

Вмѣстѣ съ симъ Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ въ Москвѣ *собраніе* (въ нынѣшнемъ смыслѣ *коммиссію*) изъ 14-ти человѣкъ дидаскаловъ, т. е. музыкальныхъ учителей „разныхъ чиновъ отъ святаго Божія церкве чинонаачальниковъ и всякаго церковнаго чина, отлично знавшихъ церковное пѣніе“. Дидас-каломъ, вошедшими въ составъ коммиссіи, назначено было „въ

церковномъ пѣніи предълъ учинити, сжебы всякое пѣніе было въ истинорѣчномъ пѣніи вездѣ, во градѣхъ и честныхъ обителехъ и въ селѣхъ устроено Божественное пѣніе равночестно и добrogласно.⁴⁴ Занятія этого первого собранія были прерваны тяжкими обстоятельствами отечества.

Между тѣмъ нарѣчное исправленіе нотныхъ книгъ сдѣлалось предметомъ гласнымъ. О немъ стали разсуждать. Въ 1657 г. Корнилій, жившій потомъ „на Выгу рѣцѣ“, пошелъ въ Московскій Успенскій соборъ на праздникъ Благовѣщенія, и услышалъ тамъ спорившихъ. „Одинъ говорилъ: *пой по новому*. Другой отвѣчалъ: не поемъ по новому, но по старому, како научихомся тако и поемъ, а по новому не поемъ и не умѣемъ. И опять говорилъ первый: какъ нибудь пой, токмо не по старому, а по новому. И долго потомъ они спорили; но одолѣли *новолюбцы*⁴⁵. Соборъ 166⁴, года въ 4 дѣяніи своею, подтвердилъ необходимость *пѣнія на рѣчъ*. „Соборъ заповѣдаемъ, сказано въ свиткѣ, *гласовое пѣніе пѣти на рѣчъ*.“

По совѣту Царя Алексея Михайловича съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, со святѣйшимъ патріархомъ, Іоасафомъ Московскимъ и всяя Россіи, составилось второе собраніе дидаскаловъ для исправленія церковнаго пѣнія на рѣчъ. Составомъ второй комиссіи занялся Преосвященный Павелъ, Митрополитъ Сарскій и Подонскій. Онъ собралъ только *шесть человѣкъ мастеровъ, добръ вѣдущихъ знаменное пѣніе*; изъ нихъ извѣстенъ одинъ—справщикъ московскаго печатнаго двора, старецъ, монахъ *Александъ Мезенецъ*. Всѣ члены собранія обязаны были свѣрить текстъ нотныхъ рукописей съ текстомъ печатныхъ книгъ не-нотныхъ и съ текстомъ харатейныхъ нотныхъ рукописей. Свидѣтельство Мезенца о томъ, что онъ и сотрудники его дѣйственно спрашивались съ харатейными нотными списками *за четыреста лѣтъ и вѣщіе*, т. е. съ нотными рукописями XIII и XII вѣка, подтверждается частію разными надписаніями, въ новыхъ нотныхъ книгахъ, гдѣ говорится: „сего стиха въ новыхъ Минеяхъ нѣтъ, но въ древнихъ“,—частію самымъ текстомъ ново-составленныхъ нотныхъ книгъ, который болѣе сходенъ съ текстомъ старыхъ нотныхъ харатейныхъ списковъ, чѣмъ съ Богослужебными книгами не нотными, печатанными около половины XVII вѣка.

Вторая комиссія для исправленія церковнаго пѣнія съ осо-

беннымъ успѣхомъ исполнила возложенное на нее порученіе, столь важное для всей Православной Русской церкви. Такъ составилось *новое пѣніе праворѣчное*, или просто — *на рѣчь*. Оно вначалѣ встрѣтило и защитниковъ и противниковъ. Противники, осуждая пѣніе истинорѣчное, своими умозаключеніями осуждали вмѣстѣ и сами себя. Болѣе благоразумные изъ поклонниковъ хомоніи держали себя, по отношенію къ новому истинорѣчію и къ раздѣльнорѣчію, безразлично. Андрей Денисовъ не рѣдко пѣвалъ по новымъ истинорѣчнымъ книгамъ. Но не смотря на это, хомовое пѣніе доселѣ пріемлется съ особеннымъ уваженіемъ и сохраняется у всѣхъ послѣдователей безпоповщинской секты; его можно слышать во всѣхъ поморскихъ скитахъ и въ Москвѣ, на Преображенскомъ кладбищѣ.

Новое праворѣчное, или истинорѣчное, пѣніе надлежало переписать и изучить. При хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ въ исходѣ XVII вѣка состояли особые мастера нарѣчнаго пѣнія. Въ 1701 г. нарѣчнаго пѣнія писцами были: Иванъ Матвѣевъ и Степанъ Дмитріевъ. Почти въ самомъ началѣ исправленія нотныхъ книгъ предки наши рѣшились печатать ихъ, и приготовили все, необходимое для печатанія. Но успѣшио начатое дѣло осталось впрочемъ безъ послѣствій. Ибо въ продолженіе всей послѣдней половины XVII вѣка безлинейная система обозначенія звуковъ принуждена была выдерживать соперничество системы линейной и уступить ей главное мѣсто, не въ силу пѣвческихъ преимуществъ послѣдней, но по причинѣ многихъ неотразимыхъ историческихъ обстоятельствъ. Уже въ то время училища въ Великой Россіи заводились Кіевлянами, послѣдователями линейной системы, — высшее общество цѣло *стихотоворную Псалтирь* по линейнымъ нотамъ, — расколъ, привязанный къ безлинейнымъ нотамъ, сопровождался смутами и вносилъ въ церковь нестроеніе и распри. Все это, и многое другое, невольно охлаждало привязанность къ безлинейной семеографіи и усиливало любовь къ нотамъ линейнымъ. Впрочемъ безлинейная система, не смотря на перевѣсь системы линейной, сохранилась однако и доселѣ надъ новымъ праворѣчнымъ текстомъ, въ некоторыхъ обществахъ русскихъ, пожелавшихъ остаться вѣрными мнимой старинѣ.

Линейная система обозначенія звуковъ сдѣлалась извѣстна Великорусской православной церкви въ половинѣ XVII вѣка

черезъ Южнорусскую церковь. Южнорусская же церковь въ свою очередь познакомилась съ линейными нотами въ исходѣ XVI вѣка. Въ половинѣ этого вѣка тамъ существовали еще при церквяхъ и монастыряхъ школы, въ которыхъ, между прочимъ, обучали церковному пѣнію. Но эти школы были самыя незначительныя, чисто элементарныя, едва способныя удовлетворять настоятельнымъ нуждамъ церкви приготовленіемъ для нея чтецовъ и пѣвцовъ. Различные города Галицкой Руси, когда желали имѣть у себя хорошее пѣніе, поставлены были въ необходимость посыпать своихъ дьяковъ въ порубежныя православныя области. Въ 1558 году, Молдавскій господарь Александръ просилъ Львовскихъ братчиковъ прислать четырехъ молодыхъ дьячковъ для изученія напѣвовъ Греческаго и Сербскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ, что съ этою же цѣллю дьячки изъ Перемышля уже присланы. Очень можетъ быть, что въ это время православные пѣвцы Галицкой Руси получили уже понятіе о линейной системѣ, которая тогда извѣстна была славянскимъ землямъ, какъ доказываетъ Псалтирь Иоанна Гусса, напечатанная линейными нотами.

Въ послѣдней четверти XVI вѣка стали возникать училища, при каждомъ православномъ югозападномъ братствѣ. Однимъ изъ главныхъ предметовъ въ сихъ училищахъ было церковное пѣніе; изученіе его начиналось съ самыхъ низшихъ классовъ. Въ Кіевскихъ и Луцкихъ школахъ для класса пѣнія обыкновенно назначалась суббота, какъ день предшествующій Воскресному, когда должна совершаться торжественная служба.

Изученіе церковнаго пѣнія въ православныхъ школахъ Юго-западныхъ братствъ въ половинѣ XVII вѣка совершалось систематически по учебникамъ и на нотахъ линейныхъ, которые тогда назывались *Кіевскимъ знаменемъ*. Первый по составу своему, Южнорусскій учебникъ имѣть такое заглавіе: „Наука всея мусикіи, аще хощеши разумѣти Кіевское знамя и пѣніе согласно и чинно сочиненное.“ Онъ начинается словами: „простое вразуміе твоего ума въ шестоименному знамени, еже воздвигаетъ гласъ съ разумомъ вездѣ, обращающе горѣ и книзу, носимо ихъ скорымъ и коснымъ шествіемъ, въ возвышеніи руки къ низу опущаемо и паки вверхъ хожденіемъ воздвижено и сіе глаголется *тактъ* (т. е. полная, цѣлая нота). Начертаваема сице нота римская: *утъ, ре, ми, фа, соль, ля, соль, фа, ми, ре, утъ*

сицева есть азбука тому, знамени Кіевскому.⁴⁴ Школьное предпочтение линейного нотописания предъ безлинейнымъ совершилось въ братскихъ югозападныхъ школахъ не по какому либо стороннему, вицъшнему вліянію или побужденію. Линейныя ноты въ педагогическомъ смыслѣ были гораздо удобнѣе и, такъ сказать, яснѣе нотъ безлинейныхъ, потому что раздѣльнѣе представляли взору поющаго двѣ стихіи пѣнія — высоту и продолжительность звука. Посредствомъ линейной системы скорѣе совершалось обученіе пѣнію, а въ этомъ и состояла главная цѣль всѣхъ братскихъ школъ, ибо Южнорусская церковь, по особымъ современнымъ обстоятельствамъ, имѣла ощутительную нужду въ быстромъ образованіи искусствныхъ пѣвцовъ.

Въ первой половинѣ XVII вѣка линейная система изображенія звуковъ была уже хорошо известна всей Православной Южной Руси, Руси Малой, Бѣлой, Червонной.

Въ Великой Россіи линейная система обозначенія звуковъ явилась въ исходѣ первой половины XVII вѣка, или въ послѣдніе годы Патріарха Іосифа. Южные православные, угнѣтаемые всевозможными насилиями, храня древле-отеческое преданіе и слѣдя старымъ примѣрамъ, во множествѣ стремились въ области Великой Руси, и приносили сюда нотолинейныя книги, памятники ихъ Богослужебнаго пѣнія. Значеніе Кіева, какъ матери церквей русскихъ, и новость семеографіи придавали особенное значеніе нотолинейнымъ рукописямъ. Архипастырь Новгородской Никонъ, *превеліе им'я прилежаніе до пѣнія*, первый оцѣнилъ линейную семеографію. На первосявятительской каѳедрѣ своей, Никонъ не переставалъ прилагать попеченіе о распространеніи линейнаго пѣнія въ Россіи. По устройствѣ Воскресенского, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, Патріархъ Никонъ помѣстилъ въ немъ не мало православныхъ южнорусцевъ. Первые нотолинейныя рукописи 1652 г. доселъ хранятся въ библіотекѣ этого монастыря. Всѣ они писаны на югозападѣ, или въ Кіевѣ, или въ Могилевѣ, или Витебскѣ.

Такимъ образомъ нотолинейная система обозначенія звуковъ, покровительствуемая Царемъ и Патріархомъ, вскорѣ сдѣлалась господствующею системою въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ, дѣяковъ и поддѣяковъ. Приверженность къ линейной системѣ была здѣсь развита въ такой степени, что прежняя безлинейная система обозначенія звуковъ представлялась уже *нельзяю*,

неблагопотребною и невнятопріемною. „И нынѣ нѣцыи возникшіе отъ новѣйшихъ пѣсноснискателей, писалъ Мезенецъ, круподержащее и блазнящее о семъ кромѣ ученія, наше старороссійское знамя дерзающи (дерзостно) порицаютъ и укоряютъ, наипаче же речи весьма охуждають глаголюще: яко неудободѣнио, ниже вмѣстно сему нашему знамени и сокровеннымъ лицамъ въ пѣніи изящнымъ быти противо нотнаго знамени“, то есть нотнолинейной системы. Такое понятіе о безлинейномъ изображеніи церковной мелодіи развивали не старые, собственно великорусские царскіе пѣвцы, а нѣцыи возникшіе отъ новѣйшихъ иѣсноснискателей, т. е. или малорусские и бѣлорускіе *вспѣваки*, которые давно уже отвыкли отъ безлинейной системы, или тѣ изъ великорусскихъ пѣвцовъ, которые весьма рано и хорошо ознакомились съ нотнолинейнымъ пѣніемъ, и даже не мало писали о немъ. Таковъ, напримѣръ, діаконъ Іоанникій Трофимовъ, сынъ Кореневъ.

Въ царствованіе Феодора Алексѣевича, любителя церковнаго пѣнія, развивалось практическое изученіе нотнолинейнаго пѣнія и возникла даже потребность въ теоретическихъ и практическихъ руководствахъ къ сему изученію.

Великорусские пѣвцы изучали линейную систему посредствомъ знакомой имъ системы безлинейной. При Петре I линейное пѣніе окончательно сдѣлалось пѣніемъ господствующимъ. Онъ самъ пѣлъ по нотамъ линейнымъ, „стоя на ряду съ пѣвцами“; его сестра, Софья Алексѣевна, пѣла по нотамъ линейнымъ. Государевы пѣвчіе дѣяки и поддѣяки, которые въ это время стали называться придворнымъ хоромъ пѣвчихъ, пѣли по нотамъ линейнымъ. Патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддѣяки, которые со времени учрежденія Сѵнода стали называться Сѵнодальнымъ хоромъ, при жизни послѣдняго Патріарха также исполняли пѣніе по нотамъ линейнымъ. Казначей Патріарха Адріана, монахъ Тихонъ Макарьевскій, написалъ *ключъ* къ уразумѣнію линейныхъ нотъ. Первенствующимъ хорамъ въ Россіи подражали во всемъ и хоры второстепенные, по своей численности и по своему музыкальному достоинству. Такъ, послѣ не малой борьбы, пѣніе линейное водворилось и сдѣлалось господствующимъ въ Русской церкви.

Первоначальные линейные ноты въ Русской церкви писались не на четырехъ, какъ въ Латинской церкви, но всегда на *пя-*

ти параллельныхъ горизонтальныхъ линіяхъ, извѣстныхъ нынѣ всѣмъ пѣвцамъ и музыкантамъ. Шрифтъ линейныхъ нотъ Великорусскою церковію былъ принятъ тотъ самый, который употреблялся церковію Южнорусскою, отчего не рѣдко линейные ноты и назывались въ Москвѣ *Кіевскимъ знаменемъ*. Шрифты Кіевскаго знамени, судя по существующимъ рукописямъ, не всегда однообразны, но и не такъ различны, чтобы между ними не видѣть общаго сходства (1).

КІЕВСКОЕ ЗНАМЯ 1675 Г. (по Гербинио).

NOTE MUSICÆ RUTHENORUM.

The image shows two staves of handwritten musical notation. The top staff consists of vertical lines with diamond-shaped note heads, typical of the Kievan notation system. The bottom staff uses a different, more traditional Western-style notation with vertical stems and small circles or dots for note heads. Below the notation, the lyrics are written in Old Church Slavonic script. The first line reads "Слакатеъ Бѣже Нашъ" and the second line reads "слака тѣбѣ Бѣже Нашъ". The notation includes a clef symbol at the beginning of each staff and a double bar line with repeat dots at the end of the second staff.

Болѣе употребительнымъ видомъ должно почитать тотъ, который и доселъ сохраняется въ печатныхъ нотныхъ книгахъ, изданныхъ по благословенію св. Синода.

Линейные ноты, принятые Кіевскою церковію, не заимствованы

(1) Кіевское знамя 1728 года смотри на стр. 104.

ваны ни отъ какого другаго народа. Онъ—не Гвидоновскія, ни де-Мурисовскія. Кусмакеръ, въ своей исторіи пѣнія, собралъ множество снимковъ съ нотнолинейныхъ книгъ, писанныхъ на Западѣ съ XI до конца XVIII в. Тамъ есть ноты, употреблявшіяся Гвидо д'Ареццо и Іоанномъ де-Мурисомъ; но ни тѣ, ни другія не походятъ на наши первыя нотнолинейныя рукописи. Въ нотной Псалтири Гусса ноты также отличны отъ нашихъ церковныхъ нотъ, по своему начертанію. Все это неопровергимо доказываетъ, что первые нотнолинейные знаки Православной Греко-Россійской церкви, въ половинѣ XVII вѣка имѣвшіе свою отличительную характеристику и особенность въ начертаніи, неизвѣстны были современному Западу. Нѣкоторые полагаютъ даже, что они изобрѣтены Русскими. Вотъ что пишетъ по сему случаю одинъ авторъ теоріи музыки: „всѣ писатели, говорятъ онъ, согласны въ томъ, что изобрѣтеніе писать ноты на пяти линіяхъ и между линіями принадлежитъ Парижскому доктору Мурису. Онъ жилъ въ концѣ XVI столѣтія, а Гербній былъ въ Киевѣ въ половинѣ XVII столѣтія; слѣдственно почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ изобрѣтенія нотной системы Муриса. Это происшествіе даетъ мнѣ право думать: не существовала ли пятилинейная система еще до Муриса въ Россії? Ибо нельзя повѣрить, чтобы Русскіе, которые не любятъ новизны во всемъ, особенно въ церковныхъ обрядахъ, могли въ такое короткое время сдѣлать какую либу перемѣну въ своихъ церковныхъ книгахъ? Трудно повѣрить, чтобы ея выдумка была подобна многимъ другимъ, кои Англичанами, Нѣмцами или Италіанцами, вывозятся изъ Франціи, и въ качествѣ французскаго изобрѣтенія, какъ и все французское съ жадностію принимается иностранцами? И кто оспоритъ, что и Российской, имѣющей столько охоты и способности къ музыке, можетъ также удачно изобрѣсть, какъ Французъ или Нѣмецъ? Какъ бы то ни было. но слова и музыкальный примѣръ (снимокъ) Гербнія слушать несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости моего замѣчанія“.

Первые линейныя ноты Российской церкви были слѣдующія:

♦ означаетъ цѣлую или круглую ноту (o).

† означаетъ половинную ноту (o).

7 означаетъ четверть цѣлой ноты (♩).

7 означаетъ восьмую долю цѣлой ноты (♪).

Напр. гл. 8 знаменнааго роспѣва,



A musical score in square note notation. The top line shows a series of vertical stems with small horizontal dashes at the top, indicating eighth-note heads. Below the music are lyrics in Russian: Съ на ми Богъ ра зу мѣй те я зы цы.

или, въ переводѣ на круглыя ноты,



A musical score in circle note notation. The top line shows a series of vertical stems with small horizontal dashes at the top, indicating eighth-note heads. Below the music are lyrics in Russian: Съ на ми Богъ ра зу мѣй те я зы цы.

Шестнадцатыя, и болѣе мелкія, доли звуковъ не приняты въ церковно-русскомъ пѣніи: онъ сообщали пѣнію игривость, не сообразную съ строгимъ, степеннымъ и важнымъ строемъ и ходомъ церковнаго пѣнія. Изъ знаковъ измѣненія—знакъ повышенія звука (діезъ) совершенно не употребляется въ нотныхъ книгахъ церковнаго пѣнія, а знакъ пониженія (бемоль) относится только къ седьмому звуку церковнаго звукоряда. Знаки измѣненія, встрѣчающіеся въ другихъ мѣстахъ церковной методіи, совершенно вѣрно объясняются или переложеніемъ методіи, или вліяніемъ западныхъ правилъ музыки при первоначальномъ переводѣ церковныхъ нотныхъ книгъ съ рукопи-еи безлинейныхъ.

Первоначальное обучение нотолинейному пѣнію производилось преимущественно въ школахъ, въ академіяхъ, учрежденыхъ правительствомъ въ Сѣверной и Южной Россіи.

Системъ школьнаго правительственнаго обученія церковному пѣнію много содѣйствовали частныя, домашнія, приходскія школы. Эти школы особенно обильны были на Югѣ. Около 1700 г., въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской, прежней Слободско-Украинской, епархіи почти каждый членъ причта въ значительныхъ мѣстечкахъ имѣлъ свою школу и обучалъ въ ней между прочимъ церковному пѣнію. Остались для нась и имена нѣкоторыхъ дьячковъ, обучавшихъ Церковному пѣнію. То были въ слоботѣ Старой Водолагѣ: дьячекъ *Павелъ Криницкій*, — Николаевской, въ Семеренькахъ, церкви, дьячекъ *Леандръ Алексѣевъ*, — Успенской Колонтаевской церкви, дьячекъ *Григорій*, — Вознесенской, въ селѣ Тростенцѣ, церкви, дьячекъ *Петръ*, бывшій потомъ священникомъ, — Благовѣщенской, въ селѣ Кровномъ, церкви дьячекъ *Василій*.

Обученіе церковному пѣнію, въ исходѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, происходило также въ различныхъ, пѣвческихъ, хорахъ. Кромѣ хора придворнаго и сунодального, въ Москвѣ, въ исходѣ XVII в., находилось не мало другихъ, частныхъ, хоровъ. Такіе хоры пѣвчихъ состояли почти при каждой особѣ царской фамиліи, почти при каждомъ русскомъ іерархѣ, постоянно или временно проживавшемъ въ Москвѣ. По лѣтописямъ извѣстны хоры пѣвчихъ у царевны Софіи Алексѣевны, у императрицы Екатерины I-й, у митрополита Рязанскаго, Новгородскаго, у преосвященнаго Сарскаго и Подонскаго, жившаго на Крутицахъ. При погребеніи царевны Татьяны Михайловны въ 1706 г. за иконами шли „архимандриты и игумены и государыни цариць и государыни царевенъ пѣвчіе, да Патріаршіе и архіерейскіе дьяки и пѣвчіе, и пѣли надгробное пѣніе перемѣняясь“. Всѣ эти хоры были немалочисленны. Около половины XVIII вѣка, разныя экономическія соображенія поставили въ необходимость учредить особые штаты для всѣхъ пѣвческихъ хоровъ. Штаты не сократили числа хоровъ, но напротивъ вели къ обезпеченію ихъ; посему исторія пѣнія должна смотрѣть на штаты, какъ на мѣру благодѣтельную, тѣмъ болѣе, что они не лишили возможности имѣть пѣвцовъ сверхштатныхъ, и съ теченіемъ времени значительно измѣнялись въ своемъ составѣ, сообразно разнымъ обстоятельствамъ. Такъ напр. измѣнялся штатъ придворнаго хора; такъ еще измѣненъ штатъ сунодального хора, и многихъ другихъ хоровъ при

архіерейскихъ домахъ. Съ учрежденіемъ новой епископской каѳедры всегда также полагался при ней и новый штатъ пѣвчихъ. Такимъ образомъ учрежденіе штатовъ для церковнаго пѣнія собственно—мѣра, вовсе не стѣснительная.

Пѣвческие штаты по составу своему были чистою копіею съ государева придворнаго хора. Въ каждомъ штатѣ полагался уставщикъ и три *станицы* пѣвчихъ. — Впрочемъ число пѣвчихъ—различно въ каждомъ штатѣ, смотря по іерархической степени епархиальныхъ Епископовъ, монастырей и соборовъ.

Съ исхода XVII в. всѣ пѣвцы Русской церкви совершили Богослужебное пѣніе по нотолинейнымъ рукописямъ.

По составу своему первоначальная нотолинейная рукописи мелодического пѣнія Православной Греко-Россійской церкви представляютъ въ себѣ главнымъ образомъ два вида: *Южно-Русский* и *Велико-Русский*.

Нотолинейные книги и тетради, по которымъ совершалось Богослужебное пѣніе Православной Греко-Россійской церкви, не могли вполнѣ удовлетворить пѣвцовъ около половины XVIII вѣка. Они были довольно рѣдки, не полны, не безъ погрѣшностей, и притомъ приобрѣтались не малою цѣною. При такихъ обстоятельствахъ пѣвцы, безъ сомнѣнія, не безъ удовольствія останавливались на нотолинейномъ Ирмологѣ, напечатанномъ во Львовѣ въ 1700 г. Онъ доказывалъ, что нотныя книжки и тетрадки можно было печатать. Оставалось только во первыхъ — подумать о способѣ печатанія нотъ линейныхъ, и во вторыхъ самыя нотолинейные рукописи надлежащимъ образомъ приготовить къ печати.

Надъ способомъ печатать нотныя книги долго трудился въ Москвѣ некто Ст. Ив. Бышковскій, служившій при Московской Сѵнодальной типографіи. Къ отчетливой разработкѣ его мыслей очень много содѣйствовали безлинейныя и линейныя ноты, отлитыя въ исходѣ XVII вѣка. Бышковскій самъ видѣлъ въ Московской Сѵнодальной типографіи старинныя, нотныя пунсони и материцы, и убѣдился, что „къ печатанію нотныхъ книгъ типографскимъ художествомъ ничто препинательнымъ быть не предвидится“.

Послѣ всесторонняго размышенія о печатаніи нотныхъ книгъ, и послѣ не малыхъ предварительныхъ опытовъ въ этомъ дѣлѣ, Бышковскій въ половинѣ 1766 года рѣшился со-

общить свои мысли высшему начальству и представилъ даже набранные пробные листы. Такъ, частными усилиями одного лица началось великое дѣло печатанія нотныхъ книгъ типографскимъ художествомъ, и вмѣстѣ разрѣщался одинъ изъ первыхъ при этомъ вопросовъ, вопросъ о самомъ способѣ печатанія.

Надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что именно изъ нотоположенного слѣдуетъ печатать, потрудился придворный пѣвчій, басистъ, Гавріилъ Матвѣевичъ Головня. Онъ составилъ нотный Ирмологій и краткое показаніе партесныхъ нотъ, начатковъ всякоаго голоса, для лучшаго понятія младолѣтніхъ отроковъ.

Головня также рѣшился представить трудъ свой высшему начальству. Въ представленіи своемъ Головня просилъ во первыхъ о томъ, чтобы Ирмологъ съ нотною азбукою повсѣльно было „на казенный коштъ во всенародное общество напечатать, „а во вторыхъ о томъ, чтобы его, Головню, за предпріятіе „въ томъ труда наградить“.

Представленіе Головни поступило въ св. Сунодъ почти одновременно съ представленіемъ Бышковскаго. Оба представленія не исключали себя взаимно, и не могли подавать повода къ соперничеству ихъ виновниковъ, потому что обнимали печатаніе нотныхъ книгъ съ разныхъ сторонъ. Головня касался только предмета печатанія т. е. самаго Богослужебнаго пѣнія и практическаго руководства къ изученію его. Это — часть пѣвческая и техническая въ пѣвческомъ же смыслѣ. Напротивъ Бышковскій касался только способа печатанія линейныхъ нотъ. Это — часть собственно техническая, или искусственная, въ типографскомъ смыслѣ. Два важныхъ труда служили другъ другу дополненіемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что трудъ Головни безъ труда Бышковскаго оказывался совершенно неудобополнимъ.

Труды Головни и Бышковскаго давали возможность высшему начальству обсудить важное дѣло вполнѣ, осмотрительно. со всѣхъ сторонъ. Всѣ юридические акты, относящіеся къ этому дѣлу, продолжались почти три года, съ половины 1766 до половины 1769 года. 15-го іюня 1769 года состоялся приснопамятный указъ св. Сунода о первомъ печатаніи нотолинейныхъ книгъ Московской Сунодальной типографіи. Указомъ

предписывалось: 1) напечатать *Ирмолог*, присланный преосвященнымъ Тверскимъ Гавриломъ,—*Обиходъ*, составленный Московскаго Сунодального дому иподіаконами и пѣвчими, и исправленный Троицкими пѣвчими (Петромъ Синьковскимъ и Яковомъ Лавлинскимъ), — *Октоихъ* и *Праздники* исправнаго знаменаго роспѣва, безъ исключенныхъ єитъ, подъ корректурою Сунодальныхъ Уподіаконовъ; 2) самое печатаніе вести подъ смотрѣніемъ надзирателя Бышковскаго; 3) Что же касается до сочиненнаго придворнымъ пѣвчимъ Головнею Ирмолога, то „хотя оныи къ печатанію оказался недостаточнымъ, однако въ разсужденіи его въ сочиненіи трудовъ и долговременаго по дѣлу хожденія, обнадежить его, что, по напечатаніи Ирмологія Московской типографіи, выдачею ему нѣсколькихъ экземпляровъ безъ награжденія онъ оставленъ не будетъ“.

Главными дѣятелями при печатаніи нотныхъ книгъ церковно-русскаго пѣнія были: Московскаго Сунодального дома Уподіаконы—Сергій Максимовъ и Иванъ Никитинъ, и пѣвчие Иванъ Тимофеевъ и Андрей Поповъ, а также Московскай Сунодальной типографіи надзиратель Степанъ Бышковскій, корректоръ Яковъ Осиповъ и справщикъ Анастасій Приклонскій. Осиповъ и Приклонскій повѣряли текстъ нотныхъ книгъ съ текстомъ книгъ не нотныхъ, составили выходные листы ко всѣмъ четыремъ книгамъ и оглавленія къ Обиходу, Октоиху и Праздникамъ. Первые пробные листы изъ Ирмолога напечатаны вскорѣ послѣ указа св. Сунода. Самое печатаніе нотныхъ книгъ началось лѣтомъ 1770 г. и окончилось черезъ два года (21 іюня 1772 г.).

Нотныя книги Богослужебнаго пѣнія Русской церкви печатались съ тою цѣлію, чтобы пѣніе было исправнѣе. Св. Сунодъ требовалъ, чтобы „при раздачѣ тѣхъ нотныхъ книгъ по церквамъ подтвердили церковнослужителямъ, дабы они по тѣмъ книгамъ нотному пѣнію обучались съ таковою надеждою, что обучившіеся тому нотному пѣнію, при производствѣ въ чины, не обучившимся предпочтены быть имѣютъ“.

Печатныя нотныя книги Богослужебнаго пѣнія доставляли удобное средство къ правильному, систематическому, преподаванію и изученію Церковнаго пѣнія во всѣхъ духовныхъ училищахъ, учрежденныхъ до начала XIX вѣка. Во всѣхъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ наблюдалось тогда, чтобы

всѣ воспитанники умѣли исправно читать по церковнымъ кни-
гамъ и пить при службѣ Божией⁴. Пастыри церкви ревност-
но заботились объ этомъ. Феофилактъ, епископъ Курскій, на-
писалъ для воспитанниковъ Курской семинаріи а) Опытъ
Ирмолойнаго пѣнія и б) Четверочастный даръ, или краткія
Ирмолойнаго пѣнія правила. Эти книги быстро распростра-
нились въ Россіи и имѣли нѣсколько изданій.

Пѣніе, содержащееся въ печатныхъ нотныхъ книгахъ, на-
писано для одного голоса. Знаніе его не затруднительно, ис-
полненіе — также, особенно для одного пѣвца. Но исполненіе
по печатнымъ книгамъ нѣсколькоими голосами совокупно, строй-
но, могло имѣть основаніе въ естественныхъ дарованіяхъ цер-
ковнаго пѣвца и требовало особенной къ тому подготовки.
Императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ своего царство-
ванія, посѣщая нѣкоторыя сѣверныя губерніи, при совершенніи
богослуженія имѣлъ неудовольствіе слышать пѣніе церковно-
служителей, большую частію, разнообразное, несогласное и
произносимое съ непріятнымъ крикомъ. Поэтому случаю со-
стоялся Высочайший указъ о стройномъ совершенніи церковнаго
пѣнія. По этому же случаю С.-Петербургскій митрополитъ Ам-
вросій (Подобѣдовъ) неоднократно посыпалъ причетниковъ своей
Епархіи къ директору придворной капеллы, Бортнянскому, для
обученія стройному исполненію богослужебнаго пѣнія. Въ пер-
вый разъ послано было девять причетниковъ; въ теченіи одно-
го года (1805 — 1806) присланные причетники обучены были
пѣвческому исполненію, съ желаемымъ успѣхомъ. Вместо ихъ
послано было 12-ть причетниковъ, которые также обучены были
по примѣру предшественниковъ ихъ. Въ томъ же порядкѣ это
дѣло, подъ надзоромъ митрополита Амвросія, продолжалось
еще нѣсколько времени, такъ что церковное пѣніе замѣтно
улучшилось даже въ Епархіяхъ, удаленныхъ отъ столицы.

Вскорѣ по окончаніи Отечественной войны 1812 года, по-
слѣдовало преобразованіе всѣхъ духовноучебныхъ заведеній.
Проектъ устава духовныхъ училищъ возлагалъ преподаваніе
церковнаго пѣнія, какъ особаго предмета, на наставниковъ ду-
ховныхъ уѣзденыхъ и приходскихъ училищъ. Составленный и
изданный преосвященнымъ Тверскимъ Гавріиломъ сокра-
щенный Обиходъ, съ приложеніемъ къ нему азбуки нотнаго
пѣнія на цефаутномъ ключѣ, признанъ книгою классическою.

Въ продолженіи всего училищнаго курса воспитанникъ духовноучебныхъ заведеній неоднократно подвергается испытанию въ знаніи церковнаго пѣнія, и по окончаніи курса получаетъ аттестатъ, свидѣтельствующій объ успѣхахъ его въ этомъ предметѣ. При опредѣленіи на должность церковнаго чтеца и пѣвца, каждый также подвергается испытанію въ знаніи церковнаго пѣнія, и только оказавшему это знаніе, предъ Епархиальнымъ Преосвященнымъ и мѣстнымъ экзаменаторомъ, выдается ставленная причетническая грамота. Такимъ образомъ, уставами духовныхъ училищъ и епархиальными распоряженіями, знаніе церковнаго пѣнія ограждено отъ всѣхъ случайностей небреженія и лѣности.

Все, сказанное о наукѣ церковнаго пѣнія въ дух. училищахъ, относится собственно къ мелодическому, или *простому*, пѣнію, содержащемуся въ печатныхъ нотныхъ книгахъ. Самая азбука церковнаго пѣнія написана для уразумѣнія сихъ книгъ. Если при каждомъ почти духовномъ училищѣ и семинарии имѣлись, и доселъ еще имѣются, хоры пѣвцовъ, исполнявшіе партесно-положенные пѣснопѣнія; то эти хоры, состоявшіе изъ воспитанниковъ, составляли въ жизни духовныхъ училищъ явленіе частное, и не имѣли никакого отношенія къ настоящей системѣ обученія, къ жизни классической, точно опредѣленной установами духовныхъ училищъ.

Высочайшимъ Указомъ 1847 г. предоставлено было Директору придворной пѣвческой Капеллы право выдавать аттестатъ „на право обучать хоры для пѣнія въ церквяхъ *простому* церковному напеву, съ запрещеніемъ обучать пѣнію, такъ называемой нотной музыки, сочиненной новѣйшими сочинителями, а тѣмъ болѣе сочинять музыку новую для пѣнія въ церквяхъ“. Этимъ указомъ однакоже не отмѣнялась ни одна статья въ уставахъ духовныхъ училищъ, не закрывалось въ училищахъ обученіе церковному пѣнію, не отмѣнялась выдача аттестатовъ духовнымъ начальствомъ. Такимъ образомъ явилось два раздаителя аттестатовъ: духовное начальство свидѣтельствовало *въ аттестатахъ объ успѣхахъ* въ изученіи простаго церковнаго пѣнія, а директоръ капеллы свидѣтельствовалъ своимъ *аттестатомъ о правѣ обучать простому церковному напеву* хоры для пѣнія въ церквяхъ.

Болѣе подробное и точное различіе этихъ аттестатовъ объ-

ясено въ очень недавнее время. Обученіе церковному пѣнію, ограничивавшееся только духовными училищами, распространено, два года тому назадъ, на начальныя народныя училища и народныя школы въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ. Въ положеніи объ этихъ училищахъ не было ясно указано, кто имѣеть право заниматься такимъ обученіемъ, и какія качества требуются отъ учителя церковного пѣнія. Директоръ придв. пѣвч. Капеллы заявилъ между тѣмъ, что, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, *право обучать пѣнію въ церквяхъ, простому напѣву, нотной музикѣ можетъ имѣть только тотъ, кто выдержалъ въ капелль экзаменъ и получилъ Высочайше утвержденный аттестатъ придворной капеллы.* По сему правилу для тысячи училищъ тысячамъ бѣдныхъ искателей учительскихъ мѣстъ, въ томъ числѣ напр. изъ Сибири, изъ Астрахани, надлежало бы идти въ придворную Капеллу для получения аттестата, если достойны, а если не окажутся достойными, то еще и для обученія. Посему правилу безъ аттестата придв. Капеллы причетники не имѣли бы права обучать своихъ дѣтей простому напѣву: „Господи помилуй“ (¹). Однимъ словомъ, примененіе этого правила къ учителямъ пѣнія въ народныхъ школахъ сдѣлало бы совершенно невозможнымъ введеніе въ нихъ обучения церковному пѣнію. Такъ возникъ юридический современный вопросъ.

Для разрѣшенія его, по Высочайшему повелѣнію, назначена Комиссія, подъ предсѣдательствомъ Е. И. Выс. Великаго Князя Константина Николаевича, изъ семи Членовъ: Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Министра Имп. Двора, Министра Народнаго Просвѣщенія, Гофмейстера Сенатора Князя В. Т. Одовѣскаго, статсъ-секретаря Князя Д. Н. Оболенскаго, Оберъ-прокурора Св. Сѵнода Гр. Д. А. Толстаго, съ приглашеніемъ и Директора придворной пѣвческой Капеллы. Комиссіи предстояло разрѣшить два вопроса, именно: кто имѣеть право обучать церковному пѣнію въ народныхъ школахъ? и—какія мѣры должны быть приняты къ составленію учебниковъ для народныхъ школъ?

Относительно первого вопроса Комиссія единогласно признала, что правило объ экзаменѣ и аттестатѣ отъ Придворной

(¹) Взято изъ записки Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго, представленной Е. И. Выс. Великому Князю Константину Николаевичу 23 янв. 1866 года.

Капеллы касается только регентовъ епархиальныхъ и полковыхъ хоровъ, и правильно образованныхъ хоровъ военноучебныхъ заведеній, и женскихъ институтовъ, а отнюдь не учителей народныхъ школъ, и потому, согласно съ мнѣніемъ Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Московскаго, постановила:

1) Право учить церковному пѣнію имѣютъ всѣ священно и церковнослужители, окончившиѳ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, или въ учительскихъ семинаріяхъ, и получившиѳ на это свидѣтельства отъ этихъ заведеній.

2) Прочія лица на право такового обученія получають свидѣтельства равнымъ образомъ отъ духовной семинаріи, или учительской семинаріи.

3) Сверхъ того, право давать означенное свидѣтельство Епархиальный Архіерей можетъ предоставить свѣдущимъ членамъ духовныхъ правленій, или благочиннымъ.

При разрѣшениі втораго вопроса, вопроса объ учебникахъ церковнаго пѣнія для народныхъ школъ, Коммиссія признала, что *а збука простаго нотнаго пѣнія содержащаяся на цефбаутномъ ключѣ* требуетъ улучшенія въ чисто педагогическомъ отношеніи, и что необходимыя положенія церковной мелодіи на голоса должны быть вѣрны, одобрены Св. Сунодомъ и доступны по цѣнѣ своей для народныхъ школъ. Поелику же подобные труды не могутъ быть совершены силами одного лица, то Коммиссія полагала полезнымъ учредить особый Спеціальный Комитетъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Чтобы Предсѣдатель и иѣсколько членовъ были назначены по особому Высочайшему повелѣнію.

2) Чтобы Св. Сунодъ назначилъ отъ себя трехъ членовъ изъ духовныхъ или свѣтскихъ лицъ, по его усмотрѣнію.

3) Чтобы Директоръ придворной пѣвческой Капеллы былъ непремѣннымъ членомъ этого Комитета.

4) Комитету сему предоставить, избраннымъ имъ способомъ, составить учебникъ церковнаго пѣнія для народныхъ школъ, и необходимыя переложенія изъ Обиходовъ, Октоиха, Ирмологія и Праздниковъ, напечатанныхъ Святѣйшимъ Сунодомъ церковными нотами въ одинъ голосъ.

и 5) Предоставить Комитету къ участію въ своихъ занятіяхъ, а равно и въ засѣданія свои, приглашать лицъ, хотя и не

состоящихъ Членами его, но могущихъ быть ему полезными своими познаніями.

‘Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, 18-го марта 1866 г. утвердивъ заключенія Комиссіи, выразилъ желаніе, чтобы Великій Князь Константинъ Николаевичъ принялъ на себя предсѣдательство въ учреждаемомъ спеціальномъ Комитетѣ, и предоставилъ Его Высочеству назначить Членовъ въ сей Комитетъ, сверхъ лицъ, которые будутъ назначены Святѣйшимъ Сѵнодомъ.

Нельзя не отнести съ полнымъ участіемъ къ благимъ намѣреніямъ Высочайшей власти, такъ ревностно пекущейся о распространеніи церковнаго пѣнія въ народныхъ училищахъ, и нельзя не привѣтствовать зарю новаго дня, для новаго труда, который долженъ совершить особый Спеціальный Комитетъ. Началомъ сего Комитета о церковномъ пѣніи оканчивается самая исторія церковнаго пѣнія въ Россіи.

Изъ подробнаго, общаго, очерка всей исторіи мелодическаго богослужебнаго пѣнія въ Россіи видно, что она состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ періодовъ: *періода пѣнія безлинейнаго и періода пѣнія линейнаго*. Періодъ пѣнія безлинейнаго въ свою очередь состоитъ изъ трехъ эпохъ: *эпохи первоначальной*, или стараго истинорѣчія, *эпохи раздѣльнорѣчія*, или, хомоніи, и наконецъ *эпохи новаго истиннорѣчія*, или праворѣчнаго, пѣнія. Эпоха истиннорѣчнаго новаго пѣнія служить вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой борьбы безлинейной семеографіи съ линейною. Періодъ нотолинейнаго пѣнія слагается также изъ двухъ эпохъ: *эпохи пѣнія по однимъ нотолинейнымъ рукописямъ и эпохи пѣнія по однимъ печатнымъ нотнымъ книгамъ*, издаваемымъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.